



Представляем исследовательский комитет РАН по политической антропологии. Слово “антропология” не повезло в научной литературе. Если набрать его в поисковике на *elibrary.ru*, то будет найдено порядка двух сотен словосочетаний от вполне академических: экономическая, юридическая или гендерная антропология, — до не поддающихся здравому смыслу синтаксических конструкций вроде гуманитарной, постчеловеческой, киберпространственной или стоматологической антропологии. В таких условиях непосвященному человеку трудно сориентироваться. За последние 20 лет появилось немало попыток самостоятельного “открытия” социальной и политической антропологии как совершенно новой отрасли знания. Авторы подобных сочинений стучатся в открытую дверь, ведь антропология как наука сложилась еще в XIX в., первая кафедра социальной антропологии была создана при Ливерпульском университете в 1908 г. Отпочкование политической антропологии от основного ствола социальной (культурной) антропологии произошло еще до Второй мировой войны, а в настоящее время она представляет собой важную дисциплину, которая занимается изучением власти и институтов политического контроля традиционных и посттрадиционных обществ народов мира историческими и этнографическими методами. В нашей стране эта дисциплина разрабатывалась в основном в рамках отечественной этнографии (этнологии), но после включения в образовательную программу политологов она вышла за рамки изучения первобытных культур и развивающихся стран. Антропологический взгляд на политику может показаться несколько экзотичным для исследователей современных обществ, но он акцентирует внимание на глубинных истоках отношений властвования. Интересы политантропологов сосредоточены вокруг двух основных направлений: во-первых, это исследование институтов власти в первобытности и в процессе возникновения государственности; во-вторых, это изучение трансформации традиционных политических институтов во время политической модернизации и транзитных процессов современности. В представленных ниже статьях дается представление о той проблематике, которая разрабатывается современными исследователями в связи с актуальными проблемами нашего времени.

Н.Н.Крадин

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Н.Н. Крадин

Ключевые слова: антропология, политогенез, власть, трайбализм, клановая организация, неопатримониализм.

Слово *антропология* дословно обозначает науку о человеке. В настоящее время антропологическую науку, как правило, подразделяют на две большие части: *физическую* (или *биологическую*) и *культурную* (или иначе *социальную*) антропологию. Первая изучает физическое строение человеческого тела, антропогенез (т.е. проблему происхождения человека) и этологию (биосоциальное поведение) человека. Вторая представляет собой комплекс самостоятельных дисциплин (археология, лингвистика, фольклористика, этнография и культурная, или социальная антропология), изучающих в целостности культуру того или иного народа.

КРАДИН Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, зав. центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, зав. кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета. Для связи с автором: kradin@mail.ru





Со второй половины XX в. в антропологии наметилась естественная тенденция к некоторому сужению объекта исследований — с накоплением знаний ученые стали переходить к более углубленному изучению отдельных аспектов культуры: технологий, социальной организации, семейно-брачных отношений, верований и пр. Все это привело к появлению ряда новых интересных субдисциплин культурной антропологии, таких как *экономическая* и *юридическая* антропология, дополняющих классическую политическую экономию, а также историю государства и права. И наконец сформировалась особая, пограничная с политическими науками, дисциплина — *политическая* антропология. Надо сказать, что попытки институализации политической антропологии были одновременно предприняты со стороны политологов [Easton 1959], хотя далеко не у всех представителей политической науки есть оптимизм по этому поводу. Как пишет один из скептиков: “Политическая антропология сегодня не имеет больших перспектив, поскольку в ней слишком много антропологии и слишком мало политики” [Доган 1999: 132].

Поскольку политантропологи занимались в основном изучением неевропейских цивилизаций и культур, традиционно предмет изучения данной дисциплины определялся как совокупность институтов контроля и власти в доиндустриальных обществах, структура данных институтов и их сравнительная типология, анализ причин и факторов преобразования одних форм в другие, проблема адаптации, инкорпорации и трансформации традиционных механизмов контроля в современных политических институтах.

В настоящее время политическая антропология — это весьма популярная часть антропологической науки, имеющая развитую историографическую традицию, сложившиеся академические интересы, научные школы [Balandier 1967; Cohen 1969; Claessen 1974; Abélès 1990; Vincent 1990; Lewellen 1992; Gledhill 1994; Абелес 1998; Ривьер 1999; Rivière 2000 etc.]. В западной политантропологии существуют три наиболее влиятельные направления: англо-американский *функционализм*, французский *структурализм* и американский *неоэволюционизм*. Российская политическая антропология развивалась под определенным влиянием западных научных направлений. Однако у нее есть свои достижения и перспективы для развития [Куббель 1979; 1988; Бочаров 1992; 1998; 2001; 2007; Крадин 1997; 2010; Тишков 2001а; 2001б; 2003 и др.].

Основателями политической антропологии считаются представители британского функционализма. В 1940 г. в Великобритании были опубликованы три важные книги, в которых систематизировался опыт изучения политических систем и институтов власти архаических обществ Африки. Это знаменитый сборник “Африканские политические системы” под редакцией М.Фортеса и Э.Эванса-Причарда [Fortes, Evans-Pritchard 1940], а также две книги самого Эванса-Причарда — “Политическая организация ануаков Англо-Египетского Судана” и “Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов” (русский перевод 1985 г.). Именно с этого времени принято отсчитывать официальное “рождение” политической антропологии.

В последующие десятилетия британскими антропологами (а также исследователями других стран, находившимися под влиянием данной школы) было выполнено большое количество исследований, посвященных изучению





политики, власти, идеологии в колониальных и постколониальных обществах Африки, Азии, Океании, Латинской Америки (Э.Геллнер, М.Глакман, Л.Мэйр, Э.Лич, А.Саутхолл, М.Смит, Л.Фоллерс и др.).

Определенное влияние британский структурный функционализм оказал на американских антропологов и политологов, которые, работая на стыке наук, занимаются изучением политических процессов и механизмов власти в посттрадиционных и индустриальных обществах (Д.Истон, А.Коэн, М.Шварц, В.Гернер, А.Тьюден и др.). Эта группа исследователей сделала важный шаг от изучения структур к исследованию процессов. Для этих целей разрабатывается теория “политического поля” — среды, в которой разворачиваются динамичные политические процессы. Исследователи данного направления объединены в США в рамках ассоциации политической и юридической антропологии. Они выпускают журнал *“PoLAR: Political and Legal Anthropology Review”*.

Французская политическая антропология развивалась под большим влиянием структурализма, восходящего к сочинениям К.Леви-Стросса. Наиболее важным вкладом французской структурной марксистской школы (М.Годелье, П.Бонт, Ж.-П.Дигар, К.Мейесу, Ш.Парэн, Ж.Сюре-Каналь, Ж.Шено и др.) следует считать возрождение в 1950-1960-х годах дискуссии об азиатском способе производства, разработку марксистской теории способов производства (семейный, линиджный, номадный, азиатский, африканский и пр.), изучение отношений неравенства и формирования политических институтов в Африке.

Из наиболее известных работ по политической антропологии во Франции следует выделить книги М.Абелеса о политических церемониалах и институтах власти в современном западном обществе [Abélès, Judy 1997; Abélès 2001; 2006], работы антропологов африканистов, специализирующихся в области изучения политической культуры колониальных и постколониальных обществ (Ж.-Ф.Байяр, Ж.Макэ, Ж.Ломбар, К.Ривьер и др.).

Особое место занимают труды антрополога и социолога Ж.Баландые и книга *“Политическая антропология”* [Balandier 1967]. Это первый труд, полностью посвященный данной дисциплине. В нем подробно описываются предмет и задачи политической антропологии, дается историографический очерк, рассматриваются различные стороны организации первобытных и архаических обществ. Много внимания уделено сегментарной организации и системам родства, половозрастной структуре и религии, различным теориям происхождения государства. Важное место в этой книге уделено проблеме модернизации традиционных обществ. В 2001 г. эта работа была переведена на русский язык.

Ключевым вопросом для политической антропологии второй половины XX в. было выяснение того, как и вследствие каких факторов одни формы политической организации преобразовывались в другие. Так, функционалисты не пошли дальше очевидной классификации обществ на акефальные (безгосударственные) и “государственные” (т.е. иерархические) [Fortes, Evans-Pritchard 1940: 5-7]. Л.Мэйр в книге *“Первобытное правительство”* выделила три уровня управления: отсутствие власти, но с институтом посредников между кланами; наличие авторитетных лидеров вроде вождя в леопардовой шкуре у нуэров; система возрастных классов [Mair 1977]. Ж.Баландые писал,





что доколониальная Африка демонстрирует значительное разнообразие типов архаической власти. В самом низу бродячие группы охотников-собираателей. В “родовых” обществах статус и другие отношения опосредуются системой родственных связей. В наиболее развитых из них появляются возрастные группы и классы, домашнее рабство. Рангом выше “вождества”. Наверху эволюционной пирамиды находятся общества с государственным устройством. Но и они существенно различаются по масштабам сложности, по традициям верховной власти – “сакральное” царство у шиллуков, теократическое государство в исламизированных странах (у тукулеров и фульбе), “африканский деспотизм” с бюрократией в Восточной Африке и др. [Balandier 1967].

Однако наиболее существенные результаты в классификации политических форм были достигнуты в рамках американского неозволюционизма, возникшего в середине 1950-х годов. К этому времени антропология осознала необходимость выйти за пределы локальных эмпирических исследований и приступить к синтетическим обобщениям накопленного материала. В отличие от классического эволюционизма XIX в. неозволюционизм представлял гораздо более мощную и в то же время более гибкую и динамичную теоретическую парадигму. В работах неозволюционистов (Р.Адамс, Т.Эрл, Р.Карнейро, Р.Коэн, Р.Нэррол, М.Салинз, Э.Сервис, М.Фрид, М.Харрис и др.) большое внимание уделено типологии политического лидерства, престижной экономике, эволюции вождества, различным теориям происхождения государства. Американский неозволюционизм оказал влияние на развитие американской социологии (Т.Парсонс, С.Эйзенштадт, Г. и Ж.Ленски), стимулировал развитие данного направления в Европе (Х.Классен), оказал определенное влияние на неомарксистскую культурную антропологию на Западе (П.Андерсон, М.Годелье и др.), а также на ряд советских и современных российских специалистов в области политогенеза.

Наиболее популярная схема была создана американским антропологом Э.Сервисом. Первой формой объединения людей, по его мнению, были *локальные группы* охотников и собирателей. Они имели эгалитарную общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникли *общины* и *племена*, появились институт межобщинного лидерства и, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия – *вождество*, при котором возникают социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием *государства* центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города [Service 1962/1971; 1975].

Эта схема впоследствии неоднократно уточнялась и дополнялась [см., например, Johnson, Earle 1987]. Из нее, в частности, после нескольких дискуссий было исключено племя как обязательный этап эволюции. В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся “индустриальное” государство (государство-нацию) и государство доиндустриальной эпо-



хи. Часто для обозначения последних обществ вводят термины “архаическое” государство, “раннее” государство и т.д. Разработка теории *раннего государства* велась под руководством голландского политантрополога Х.Дж.М.Классена. В состав участников проекта входили ученые из различных стран Европы и Америки, и в том числе из бывшего Советского Союза [Claessen, Skalnik 1978; 1981; Claessen, van de Velde 1987; 1991; Claessen, Oosten 1996 и др.].

Между М.Фридом и Э.Сервисом развернулась дискуссия о сущности государства [Fried 1967; Service 1975]. Первый полагал, что государство появляется как результат урегулирования *конфликтов* в стратифицированном обществе. Второй считал, что становление государственности явилось следствием необходимости *интеграции* – потребностей реорганизации организации управления обществом вследствие его усложнения. Обе точки зрения имеют своих приверженцев и в настоящее время.

Вместе с тем и конфликт, и интеграция могут быть прослежены во всех основных моделях политогенеза. С этой точки зрения более актуально определить причины, ведущие к происхождению государственности. Особенный резонанс вызвала “ограничительная” (*circumscription*) теория (другое ее название – теория “стесненности”) Р.Карнейро. Согласно Карнейро, рост численности населения приводил к увеличению конкуренции за ресурсы, а затем к интенсивным военным столкновениям, в результате которых более сильные группы создавали стратификацию и государство [Carneiro 1970]. Позднее сравнительно-исторические исследования показали, что не существует единой обязательной причины возникновения государства. На процессы политогенеза оказывали влияние самые разнообразные внутренние и внешние факторы: совершенствование технологии, рост народонаселения, сокращение ресурсов, усложнение общества, война, внешнее влияние, торговля на большие расстояния, идеология и т.д. Роль этих переменных также была различной для первичных (*pristine*) государств (т.е. возникших независимо) и для вторичных (*secondary*), которые сформировались под влиянием уже сложившихся архаических цивилизаций.

С начала 1990-х годов, и особенно в новом столетии, однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике [Yoffee 2005; Pauketat 2007]. Это привело к распространению билинейных и многолинейных теорий. Исследователи предложили две стратегии, которые могут быть выделены в разных типах общества. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества для решения коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.



Данный подход примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали исследователи разных стран (в том числе и России): М.Агларов (Кавказ), Ю.Е.Березкин (Передний Восток и Средняя Азия), А.В.Коротаев (горцы), К.Крэмли (железный век Западной Европы), Г.Фэйнман и С.Ковалевски (Мезоамерика) [Березкин 1995; Коротаев 1995; Crumley 1995; 2001; Blanton et al. 1996; Бондаренко, Коротаев 1999; Берент 2000; Ковалевски 2000; Feinman 2001; Бондаренко 2006; Гринин 2007 и многие др.].

В отечественной литературе политантропологическая проблематика разрабатывалась востоковедами в рамках дискуссии об “азиатском способе производства” (Л.С.Васильев, Н.А.Иванов, Г.С.Киселев и др.). В ходе дискуссии была выдвинута концепция о преобладании в докапиталистических обществах “личностных” социальных связей, в отличие от индустриальных обществ, где господствуют “вещные” отношения (М.А.Виткин, А.Я.Гуревич, В.В.Крылов, Л.А.Седов, М.А.Чешков и др.). Впоследствии она была развита в трудах А.Я.Гуревича о западноевропейском средневековье [1970; 1972]. Значительное место в сочинениях Гуревича отведено проблеме генезиса феодализма, структуре власти в средневековом обществе. В этих работах прослеживается влияние работ М.Мосса по теории дарообмена и французской исторической антропологии (школа Анналов, в особенности М.Блок). Под влиянием Гуревича в российской медиевистике сформировалась целая научная школа, существующая и в наши дни, которая специализируется на проблемах политической антропологии феодализма (например, практически весь альманах “Одиссей” за 1995 г. посвящен политической антропологии феодализма).

Параллельно с данной дискуссией в советской этнографии обсуждались вопросы типологии форм лидерства в первобытных и традиционных обществах, проблемы генезиса государства, трансформации колониальных и постколониальных обществ Азии и Африки (Д.А.Ольдерогге, О.С.Томановская, Ю.М.Кобищанов, Н.Б.Кочакова, И.В.Следзевский, А.С.Балезин, А.М.Хазанов, А.И.Першиц, В.А.Попов, Г.С.Киселев, В.В.Бочаров и др.).

Особенно много для выделения политической антропологии в особую этнографическую субдисциплину в нашей стране было сделано африканистом Л.Е.Куббелем [Куббель 1979]. Поскольку в марксистской теории политика может существовать только в классовом обществе, то для обозначения отношений властвования в первобытном обществе термин “политическая этнография” (в СССР антропологов называли этнографами) был неприемлем. По этой причине доисторическую политику было решено называть “потестарными отношениями” (от лат. *potestas* – власть). В 1988 г. Куббель опубликовал первую в отечественной науке книгу на данную тему “*Очерки потестарно-политической этнографии*”. В этой работе подробно разбирается предмет данной дисциплины, политическая культура первобытных, раннегосударственных и колониальных обществ, большое внимание уделено изучению идеологических механизмов властвования.

В наши дни термин “политическая антропология” прочно вошел в лексикон отечественных ученых. Данная дисциплина была включена в стандарты первого образовательного поколения для преподавания политологам, в ряде



вузов ее стали осваивать будущие профессиональные социоантропологи. Будущие историки изучают эти же проблемы в программе курсов “история первобытного общества”, “история древнего мира”, “этнография”, “история стран Азии и Африки” и др.

Сообщество политантропологов России на настоящий момент скорее децентрализовано, нежели консолидировано. В общем, это, похоже, общая тенденция для научного сообщества страны. Однако по причине сравнительной малочисленности исследователи, работающие в этом направлении, хорошо знакомы друг с другом и значительная часть мероприятий проводится с участием большинства заинтересованных лиц. У политантропологов России есть несколько площадок для совместных встреч и обсуждения актуальных проблем. В первую очередь это конгрессы политологов и антропологов (этнологов) России, которые проводятся с периодичностью раз в несколько лет. Нельзя сказать, что на всех из них, но на большинстве из съездов были проведены специальные секционные заседания, которые касались тех или иных проблем политической антропологии. В программу последнего на сегодняшний день съезда антропологов и этнологов России в июле 2011 г. была включена секция по политической антропологии (рук. В.В.Бочаров).

Однако самым значительным и фактически форумом политантропологов не только России, но и большей части мира, является конференция “Иерархия и власть в истории цивилизаций” (Москва, 2000; Санкт-Петербург 2002; Москва 2004, 2006, 2009). Главным организатором конференции выступают Институт Африки РАН и РГГУ. Обычно в конференциях участвуют около 150-200 человек, из них примерно половина иностранные ученые. Рабочий язык большинства секций — английский. Нередко на конференцию приезжают корифеи западной науки. Рамки тематики организуемых секций часто выходят за границы политической антропологии. Многие диалоги ученых ведутся уже в русле антропологического, исторического или политологического дискурса.

Только на последней конференции, состоявшейся летом 2009 г., было проведено 28 секций, на которых присутствовали российские ученые из всех регионов страны, а также более чем из 30 других стран. Общее количество участников превышает 200 чел. Вот названия некоторых из проведенных секций: “Агрессия и контроль власти в традиционных и индустриальных обществах”, “В борьбе против иерархии и власти: сообщества, сопротивление и репрессии”, “Деспотизм в истории цивилизаций”, “Материальный ландшафт власти: гендер, политическая идентичность и сложность в археологическом контексте”, “Формы социальной стратификации и институты власти в вожествах и государственных образованиях Южной Америки и Мезоамерики”, “Традиционные идентичности в современных обществах и политических процессах на Кавказе”.

В 2002 г. у российских политантропологов появился свой международный журнал “*Social Evolution & History*” (гл. ред. Д.М.Бондаренко, Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев). На страницах журнала регулярно обсуждаются различные актуальные проблемы теории макроисторических процессов, социальной эволюции и политической антропологии. Только за последние годы опубликованы специальные выпуски, посвященные теории раннего государства (2008, № 1), антропологии государства (2009, № 1), социальной эволюции



(2009, № 2), происхождению государства в Европе (2010, № 2), теории вожества (2011, № 1) и др. В подготовке журнала участвуют ведущие специалисты России и других стран.

В рамках РАПН в 2004 г. был создан исследовательский комитет по политической антропологии. В его работе участвовали фактически все из вышеперечисленных исследователей. В фокусе интересов ученых этой группы были такие проблемы, как культурные и социобиологические основания властвования и политических отношений; сравнительная типология политических систем в пространственно-исторической динамике; патронажные, клиентные, кастовые, клановые отношения в политике; трайбализм, черты традиционализма в современной политической практике; антропологический анализ политических процессов в российских регионах и др.

Несмотря на свою популярность и наличие достаточно большого количества научных работ как отечественных авторов, так и переведенных с других языков, включая учебные пособия, в образовательном процессе политическая антропология выступает в роли “падчерицы”. Только в первом стандарте по политологии эта дисциплина была включена в перечень обязательных дисциплин. Ни в одном из последующих стандартов ее нет. Еще хуже в стандартах по социальной антропологии. Там имеется ряд, мягко говоря, весьма странных предметов (одно название “антропогеография” чего стоит), а политантропологии не предполагается. По этой причине курс политической антропологии читают в основном в дисциплинах выбора либо неофициально на свой страх и риск. Давно и успешно он читается в Санкт-Петербургском университете, Российском государственном гуманитарном университете, университетах Владивостока и ряде других вузов страны. Есть федеральный учебник, выдержавший три издания [Крадин 2010], двухтомная хрестоматия [Бочаров 2007]. Назрела необходимость изменить сложившуюся ситуацию и вернуть политическую антропологию в число обязательных преподаваемых дисциплин.

В соответствии с кругом исследовательских интересов политантропологов имеет смысл говорить о двух направлениях развития данной дисциплины в России. Основные интересы представителей первого направления концентрируются вокруг социобиологии власти [Бутовская 2002; 2004; Дольник 1994], типологии ранних форм лидерства [Артемова 2004; 2009], многолинейной эволюции сложных обществ и происхождения государства [Коротаев, Чубаров 1991; Березкин 1994; 1995; Бондаренко 1995; 2001; Коротаев 1995; 1998; 2003; Крадин, Лынша 1995; Попов 1995; 1997; Крадин и др. 2000; Крадин 2002; Гринин и др. 2006; Гринин 2007 и др.], структуры традиционной власти [Скрынникова 1997; Андреева, Коротаев 2005; Бондаренко 2005; Попов 1996; Бочаров 2007; Крадин 2010 и др.].

Второе направление связано с изучением посттрадиционной власти и ее идеологии [Бочаров 1992; 1995], патронажно-клиентных отношений [Афанасьев 1997], современных политических процессов антропологическими методами [Бочаров 2007; Щепанская 2007], этнокультурных факторов авторитаризма, этнических конфликтов в различных регионах России и других странах СНГ [Тишков 2000; 2001а; 2003 и др.].

Для антрополога главным методом сбора материала является так наз. включенное наблюдение, когда ученый поселяется среди изучаемой группы





(народа, племени, общины) и в течение длительного времени фиксирует все стороны жизни исследуемой культуры. В принципе любая группа или субкультура может быть изучена подобным образом. Правящая элита – это классическая субкультура со своими нормами поведения, языком, ритуалами. К ней, как к любой другой группе, применимы классические этнографические методы – наблюдение, беседа и опрос, включенное наблюдение. Блестящим примером включенного наблюдения являются труды Дж.Везерфорда об американском конгрессе [Weatherford 1981], М.Восленского о советской номенклатуре [Восленский 1991], М.Абелеса о французском национальном собрании [Abélès 2001], Р.Аронова о политических институтах в Израиле [Aronoff 2006]. Один из наиболее удачных опытов применения включенного наблюдения к российской политике последнего времени – попытка описания внутренней жизни различных политических партий в нашей стране [Щепанская 2007].

Много внимания политантропологи уделяют рассмотрению современных политических ритуалов. Различные массовые мероприятия являются по сути театральными представлениями для демонстрации носителями власти своей таинственной сакральности, способствуют повышению статуса главных персонажей этих спектаклей, а также развивают легитимность господствующей власти. Легитимность закрепляется на территории посредством периодической реактивации церемониала и значимых для нации символов (гимна, флага и др.). Участие людей в массовых церемониях создает иллюзию эмоциональной сопричастности принимаемым политическим решениям, способствует консолидации и коллективному одобрению существующего режима или тех, кто его персонифицирует [Абелес 1998; Rivière 2000].

Начиная со второй половины 1990-х годов началось изучение клановых связей на постсоветском пространстве как в структуре среднеазиатских государств (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), так и в ряде многонациональных субъектов РФ. Пионерской работой на эту тему была яркая обличительная статья рано ушедшего из жизни казахстанского антрополога Н.Э.Масанова [Масанов 1996]. Впоследствии данная тема была развита в книгах Ш.Х.Кадырова, со знанием дела описавшего трансформацию политических институтов в Туркмении [Кадыров 2003; 2004], а также в книгах и статьях других авторов [Амрекулов 2000; Джунушалиев, Плоских 2000; Крадин 2000; Санглибаев 2007; Ламажаа 2010; Krađin 2010 и др.]. Параллельно тема привлекла внимание западных исследователей, которые подготовили ряд фундаментальных монографий по этой проблематике [Collins 2006; Schatz 2004].

Наличие большого количества схожих черт между политической системой современных обществ Африки, Азии и Латинской Америки привело ряд исследователей к мысли о необходимости вспомнить концепцию “вождества” – иерархическую форму организации власти без наличия аппарата принуждения [Skalnik 2004; Derlugian, Earle 2010]. При этом опыт политантропологических исследований показывает, что прямое внедрение в неевропейские общества западных либерально-демократических институтов приводит к противоположным результатам [Бочаров 1992].

Многopартийная система, парламентаризм, разделение различных ветвей власти и т.п. – все это нередко вызывает обратные результаты, весьма неже-





лательные с точки зрения задач демократизации. Становится понятно, почему большинство стран СНГ прошли схожий путь политической трансформации. События в них развивались по однотипному сценарию: роспуск законодательных органов, принятие новых конституций, расширяющих полномочия президента, “мягкий” террор в отношении оппозиции и независимых средств массовой информации [Крадин 2000; 2010].

Подобный откат характерен для многих обществ, совершающих быстрый транзит от традиционных обществ к демократическим. В результате формируются посттрадиционные структуры, которые интерпретируются в рамках теории *неопатримониализма*. Этот термин был введен Г.Ротом [Roth 1968] по аналогии с веберовской концепцией *патримониализма*. Неопатримониализм возникает как альтернатива демократическому транзиту. При неопатримониальном режиме контроль за государственными ресурсами находится у небольшой группы политической элиты. Она перераспределяет доступ к ресурсам на основе принципов личной преданности, клановой или земляческой принадлежности. Инициатива политической динамики обычно принадлежит только верхним эшелонам власти. Потенциальных оппонентов изгоняют с арены политического процесса. Изменения в системе власти обычно минимизированы, обратная связь с обществом отсутствует. Неопатримониальные режимы широко распространены в Азии, Африке, Латинской Америке [Eisenstadt 1973; Le Vine 1980; Medard 1982; Zabudovsky 1989; Bratton, Van de Walle 1994; Erdmann, Engel 2007 etc.]. Значительный интерес представляет использование этой теории для осмысления политических процессов на постсоветском пространстве [Фисун 2006; 2007а; 2007б; 2010].

Подводя итоги, следует отметить, что современная политическая антропология не заикливается на классической академической проблематике, связанной с изучением первобытных или раннегосударственных структур. Начиная с 1960-х годов, политантропологи активно участвовали в осмыслении проблем модернизации посттрадиционных обществ. За последние десятилетия предметные горизонты дисциплины оказались расширенными до современных обществ. Это дает основания определить ее как антропологическую дисциплину, изучающую политическое поведение, политические и властные институты в антропологической сфере этнографическими методами. Можно также быть уверенным, что политическая антропология по-прежнему остается актуальной и будет востребованной в современном мире.

Абелес М. 1998. Политическая антропология: новые задачи, новые цели. — *Международный журнал социальных наук*, Т. VI, № 20.

Амрекулов Н. 2000. Жузы в социально-политической жизни Казахстана. — *Центральная Азия и Кавказ*, № 3 (9).

Андреева Л.А., Коротаев А.В. (отв. ред.). 2005. *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. II. М.: ЦЦРИ РАН.

Артемова О.Ю. 2004. *Охотники/собиратели и теория первобытности*. М.: ИАЭ РАН.

Артемова О.Ю. 2009. *Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем)*. М.: Смысл.

Афанасьев М.Н. 1997. *Клиентизм и российская государственность*. М.: Московский общественный научный фонд.

Баландье Ж. 2001. *Политическая антропология*. М.: Научный мир.



- Березкин Ю.Е. 1994. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества. *Кунсткамера. Этнографические тетради*, № 4.
- Березкин Ю.Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. — *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.
- Берент М. 2000. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество. — *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Бондаренко Д.М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.
- Бондаренко Д.М. 2001. *Доимперский Бенин. Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.
- Бондаренко Д.М. (отв. ред.). 2005. *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. I. М.: ЦЦРИ РАН.
- Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. 1999. Политогенез, “гомологические ряды” и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых политантропологических гипотез). — *Общественные науки и современность*, № 5.
- Бочаров В.В. 1992. *Власть. Традиции. Управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки)*. М.: Наука.
- Бочаров В.В. (отв. ред.) 1995. *Этнические аспекты власти*. СПб.
- Бочаров В.В. 1998. Политическая антропология и общественная практика. — *Журнал социологии и социальной антропологии*, № 2.
- Бочаров В.В. 2001. Политическая антропология. — *Журнал социологии и социальной антропологии*, Т. IV, № 4.
- Бочаров В.В. (отв. ред.) 2007. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии*. СПб.: Изд-во СПбГУ. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе; Т. 2. Политическая культура и политические процессы.
- Бутовская М.Л. 2002. Биосоциальные предпосылки социально-политической альтернативности. *Цивилизационные модели политогенеза*. М.
- Бутовская М.Л. 2004. *Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека)*. М.: Научный мир.
- Восленский М.С. 1991. *Номенклатура*. М.: Советская Россия.
- Гринин Л.Е. 2007. *Государство и исторический процесс*. Ч. 1-3. М.: Комкнига.
- Гринин Л.Е., Бондаренко Д.М., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. (отв. ред.). 2006. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель.
- Гуревич А.Я. 1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.
- Гуревич А.Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Джунушалиев Д., Плоских В. 2000. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана. — *Центральная Азия и Кавказ*, № 3.
- Доган М. 1999. Политическая наука и другие социальные науки. *Политическая наука: новые направления*. Отв. ред. Р.Гудин и Х.-Д.Клингеманн. М.
- Дольник В. 1994. Естественная история власти. — *Знание — сила*, № 10.
- Кадыров Ш.Х. 2003. “Нация” племен. *Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане*. М.: ЦЦРИ РАН, Институт Африки РАН.
- Кадыров Ш.Х. 2004. *Трайбализм в Туркменистане. Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен*. Дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Кадыров Ш.Х. 2010. *Элитарные кланы Штрихи к портретам*. Осло.: *University of Oslo*.
- Ковалевски С. 2000. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории. — *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Коротаев А.В. 1995. Горы и демократия. — *Восток*, № 3.
- Коротаев А.В. 1998. *Вождества и племена страны Хашид и Бакил: общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. — XX в. н.э.)*. М.: ИВ РАН.
- Коротаев А.В. 2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Восточная литература.



- Коротаев А.В., Чубаров В.В. (отв. ред.). 1991. *Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития*. Вып. 1-2.
- Крадин Н.Н. 1997. Предмет и задачи политической антропологии. — *Полис*, № 5.
- Крадин Н.Н. 2000. Элементы традиционной власти в постсоветской политической культуре: антропологический подход. — *Образы власти в политической культуре России*. М.
- Крадин Н.Н. 2002. *Империя Хунну*. 2-е изд. М.: Логос.
- Крадин Н.Н. 2010. *Политическая антропология*. 3-е изд. М.: Логос.
- Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А. (отв. ред.). 2000. *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Крадин Н.Н., Лынша В.А. (отв. ред.). 1995. *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток: Дальнаука.
- Куббель Л.Е. 1979. Потестарная и политическая этнография. *Исследования по общей этнографии*. М.: Наука.
- Куббель Л.Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Ламажаа Ч.К. 2010. *Клановость в политике регионов России: Тувинские правители*. СПб.: Алетейя.
- Масанов Н.Э. 1996. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество. — *Вестник Евразии*, № 1.
- Попов В.А. (отв. ред.). 1995. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Наука.
- Попов В.А. (отв. ред.). 1996. *Символы и атрибуты власти*. СПб.
- Попов В.А. (отв. ред.). 1997. *Потестарность: генезис и эволюция*. СПб.
- Ривьер К. 1999. Социоантропология современности. — *Журнал социологии и социальной антропологии*, Т. 2.
- Салинз М. 1999. *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Санглибаев А.А. 2007. Этноклановость на постсоветском пространстве. — *Полис*, № 6.
- Скальник П. 1991. Понятие “политическая система” в западной социальной антропологии. — *Советская этнография*, № 3.
- Скрынникова Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Восточная литература РАН.
- Тишков В.А. 2000. *Политическая антропология*. Lewiston etc.: Edwin Mellen Press.
- Тишков В.А. 2001а. Новая политическая антропология. — *Журнал социологии и социальной антропологии*, Т. IV, № 4.
- Тишков В.А. 2001б. *Этнология и политика. Научная публицистика*. М.: Наука.
- Тишков В.А. 2003. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука.
- Фисун А.А. 2006. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. Харьков: Константа.
- Фисун А. 2007а. Политическая экономия “цветных” революций: неопатримониальная интерпретация. — *Прогнозис*, № 2 (10).
- Фисун А. 2007б. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. — *Отечественные записки*, № 6 (39).
- Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Политическая концептология*, № 4.
- Щепанская Т.Б. 2007. Феномен “команды” в российской политической культуре советского и постсоветского периодов. — *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 2. Политическая культура и политические процессы*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Abélès M. 1988. Modern Political Ritual: Ethnography of an Inauguration and a Pilgrimage by President Mitterand. — *Current Anthropology*, Vol. 29, № 3.
- Abélès M. 1990. *Anthropologie de l'Etat*. P.: Armand Colin.
- Abélès M. 2001. *Un ethnologue à l'assemblée*. Rééd. P.: Roches Odile Jasob.
- Abélès M. 2006. *Politique de la survie*. P.: Flammarion.



- Abélès M., Jeudy H.-P. (éds.). 1997. *Antropologie du politique*. P.: Armand Colin.
- Aronoff M.J. 2006. Forty Years as a Political Ethnographer. *Ab Imperio*, № 4.
- Balandier G. 1967. *Anthropologie politique*. P.: Presses Universitaires de France.
- Blanton R.E., Fienman G.M., Kowalewski S.A. and Peregrine P.N. 1996. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. — *Current Anthropology*, Vol. 37, № 1.
- Bratton M., Van de Walle N. 1994. Neopatrimonial regimes and political transitions in Africa. — *Worlds politics*, vol. 46, № 4.
- Carneiro R. 1970. A theory of the origin of the state. — *Science*, № 169 (3947).
- Claessen H.J.M. 1974. *Politieke antropologie*. Assen: Van Gorcum.
- Claessen H.J.M. 2000. *Structural Change. Evolution and evolutionism in cultural anthropology*. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). 1981. *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M. and van de Velde P. (eds.). 1987. *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
- Claessen H.J.M., van de Velde P. (eds.). 1991. *Early State Economics*. New Brunswick & L.: Transaction Publishers.
- Claessen H.J.M., Oosten J.G. (eds.). 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: E. J. Brill.
- Cohen A. 1969. Political anthropology: the analysis of the symbolism of power relationship. — *Man*, Vol. 4.
- Cohen R. 1973. Political anthropology. — *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Ed. by J.J. Honogman. Chicago.
- Collins K. 2006. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crumley C. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. — *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Crumley C. 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. — *From leaders to rulers*. N.Y.: Kluwer Academic.
- Derlugian G., Earle T. 2010. Strong Chieftaincies out of Weak States, or Elemental Power Unbound. — *Troubled Regions and Failing States: The Clustering and Contagion of Armed Conflict* (Comparative Social Research 27). Ed. by K. Berg Harpviken. Bingley: Emerald.
- Earle T. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press.
- Easton D. 1959. Political anthropology. — *Biennial Review of Anthropology*.
- Eisenstadt S.N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. Beverly Hills: Sage.
- Erdmann G., Engel U. 2007. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. — *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 45, № 1.
- Feinman G. 2001. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension. *From leaders to rulers*. N.Y.: Kluwer Academic.
- Fogelson R.D., Adams R.N. (eds.). 1977. *Anthropology of power. Ethnographic studies from Asia, Oceania, and the New World*. N.Y.: Acad. Press.
- Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.). 1940. *African Political Systems*. N.Y.: Oxford University Press.
- Fried M. 1967. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. N.Y.: Random House.
- Gledhill, J. 1994 (second edition, 2000). *Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. L.: Pluto Press.
- Johnson A.W., Earle T. 1987. *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Kradin N.N. 2010. Between Khans and Presidents. Anthropology of Politics in Post-Soviet Central Asia. — *Social Evolution & History*, vol. 9, № 1.
- Le Vine V.T. 1980. African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective. — *Journal of Modern African Studies*, vol. 18, № 4.
- Lewellen T.C. 1992. *Political Anthropology: An Introduction*. Westport, CT: Bergin & Garvey.

- Mair L. 1977. *Primitive Government: A Study of Traditional Political Systems in Eastern Africa*. Bloomington: Indiana University Press.
- Medard J.F. 1982. The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or NeoPatrimonialism. — *Private Patronage and Public Power*. N.Y.: St. Martin's Press.
- Pauketat T. 2007. *Chiefdoms and Others Archaeological Delusions*. N.Y.: AltaMira.
- Rivière C. 2000. *Anthropologie politique*. P.: Armand Colin.
- Roth G. 1968. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States. — *World Politics*, vol. 20, № 2.
- Schatz E. 2004. *Modern Clan Politics: The Power of "Blood" in Kazakhstan and Beyond*. Seattle & L.: University of Washington Press.
- Schwartz M.J., Turner W.M., and Tuden A. (eds.). 1966. *Political Anthropology*. Chicago: Aldine.
- Seaton S.L., Claessen H.J.M. (eds.). 1979. *Political Anthropology: The State of the Art*. The Hague: Mouton.
- Service E. 1962. *Primitive Social Organization: an evolutionary perspective*. N.Y.: Radmon House.
- Service E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. N.Y.: W.W.Norton and Co. Inc.
- Skalnik P. 2004. Chiefdom: a universal political formation? — *Focaal*, vol. 43.
- Vincent J. 1990. *Anthropology and Politics: Visions, Traditions, Trends*. Tucson: University of Arizona Press.
- Weatherford J. 1981. *Tribes on the Hill*. N.Y.: Bergin & Carvey.
- Yoffee N. 2005. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zabludovsky G. 1989. The Reception and Utility of Max Weber's Concept of Patrimonialism in Latin America. — *International Sociology*, vol. 4, № 1.